

теки должны быть профессиональными коллективами.

— Как вам представляется дискотека будущего?

Валерий Мякотенко: Дискотека — колоссальный канал информации, и это открывает перед ней большие перспективы. И вот еще что бы хотелось видеть. Сейчас в паре почти не танцуют, танец стал индивидуальным, так что хореографам надо бы разработать массовые современные танцы, легко запоминающиеся.

Я думаю, нужно создать и детскую дискотеку. Дети работают для детей. Может быть, это приведет к новым формам, появится новый тип ведущего. А у детей будет развиваться склонность к музыке, к танцам, и к технике.

Марк Копелев: Люди должны приходиться и чувствовать себя как дома, чтобы было приятно, а формы — самые разные.

Примечательно, что на первые два вопроса все ответили одинаково: сложно с квалифицированными кадрами, не хватает аппаратуры, стационарного помещения. Да и на предпоследний вопрос двое, хотя и в шутку, посоветовали не связываться с дискотечкой совсем. А это говорит о существовании действительно больших сложностей, препятствий, мешающих развитию дискотек, и мы считаем, что их надо всем нам — и партийным, и комсомольским и профсоюзным организациям, министерствам и промышленным предприятиям — сообща преодолеть и помочь организаторам дискотек в их сложной и полезной работе.

В ИНТОНАЦИЯХ ВРЕМЕНИ

Готовятся к выпуску два диска оркестра Поля Мориа: «Бабье лето» (С60—14673-4) и «Под музыку Вивальди» (С60—14675-6) — по лицензии фирмы Philips. По многочисленным просьбам наших читателей мы публикуем интервью Ю. Филинова с прославленным французским музыкантом.

— Мсье, мы вас хорошо знаем, как прекрасного аранжировщика и композитора. Несколько слов о вашем становлении как музыканта...

— В нашей семье музыка всегда была в почете: классическая, джазовая... Моим первым учителем музыки был отец, за что я ему безмерно благодарен. Закончив в 14 лет Марсельскую консерваторию, стал выступать как пианист с классическим репертуаром, но... потом увлекся другим. С 1968 года работаю с оркестром. Интересно, что композиция, принесшая мне первый успех, была популярна в Америке, Африке, Бразилии... везде, кроме Франции.

С тех пор прошло много лет. Аранжировано и записано на пластинки несколько сот мелодий. В год я делаю около пятидесяти обработок, пишу для разных стран: Бразилии, Японии, Америки...

— В своем творчестве вы, наверное, соприкасались и с русской музыкой?

— Конечно. Лет двадцать назад я аранжировал двенадцать русских народных песен и записал их на пластинку, которая называется «Россия вечная».

— Кто ваши любимые композиторы и певцы?

— Что касается композиторов — их двое: Пол Маккартни и Мишель Легран. Они принесли в современную музыку много нового и свежего... Композиции Маккартни неповторимы, я их всегда найду среди тысячи других. А Легран — это сама музыка.

Если говорить о певцах, то сейчас мне очень нравится Стив Вуондер.

— На Западе в музыкальных кругах бытует мнение, что успех к исполнителю приходит только тогда, когда его примут в Америке.

—...Не могу с этим согласиться. Многих французских музыкантов Америка тянула к себе, как зажженная ночная лампа. Но все они возвращались обратно. Только у себя на родине они становились теми, кто есть сейчас. И мне кажется — это закономерно, ибо любой интернационализм в музыке, вообще в искусстве, обязательно достигается только через свои национальные вершины.

— Как вы относитесь к оркестрам Рея Конниффа, Фауста Папетти, Джеймса Ласта, Франка Пурселя? Существует ли между вами какая-то творческая конкуренция?

— Со всеми этими людьми я знаком лично. Конечно, все новые пластинки, выпущенные этими коллективами, я слушаю. Часто бывает, что мы исполняем одни и те же популярные мелодии или песни, но каждый из этих оркестров имеет свое неповторимое звучание, каждый аранжировщик — свое лицо.

Хочу сказать несколько слов о Франке Пурселе. Этот человек является пионером в создании таких оркестров, как мой или оркестр Фаусто Папетти. Его творчество оказало на меня большое влияние, и я ему, конечно, многим обязан, его советам, его практической помощи... Это очень добрый, отзывчивый и в то же время твердый человек. Одним словом, не знаю, как сложилась бы моя творческая биография, если бы я не встретил Франка Пурселя.

— Наверное, первым судьей ваших работ является ваша жена?

— Нет, своим близким я никогда ничего не показываю. Не потому, что им не доверяю, просто они говорят не очень объективно. Например, моя жена Ирэн все двадцать лет, что мы вместе, считает меня гениальным композитором. Разве она скажет: «Нет, Поль, мне что-то не нравится!» Никогда.

— Вы уже говорили, что из двенадцати месяцев в году шесть проводите на гастролях и шесть — в студии звукозаписи. Причем для записи состав оркестра меняется. Чем это объяснить?

— Все очень просто. Музыкант, работающий только на записи, обладает специфическим чувством студии. Это помогает работе звукорежиссера, и отсюда — лучше качество записи. К тому же я практически никогда не пишу на пластинки то, что мы исполняем со сцены. Звук с диска и звук с эстрады разный, студийная запись более выигрывает. Зритель же, имея возможность сравнить, не уловит из зала все нюансы аранжировки, отчетливо слышные в записи. Их нельзя передать со сцены.

— Вы слушаете пластинки вашего оркестра?

— Никогда. Это лишнее растройство. Кажется, что можно было лучше. Это плохо, это не так. Хоть переделывать. Нет, слушать нельзя, иначе заболеваешь.

— Что вы пожелаете нашим молодым композиторам, музыкантам?

— Здесь я не скажу ничего нового. Главное было, есть и будет — это работать и работать, совершенствовать свою технику, быть все время в музыке.